
Ю. С. ОГАНИСЬЯН

РОССИЯ У ПОРОГА НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ? ВОПРОС ДЛЯ ДИСКУССИИ

Обоснованы ли объективно попытки российских либерал-радикалов при поддержке Запада использовать социальные противоречия постсоветской России для подготовки новой революции? Способен ли проект новых социально-экономических реформ не только погасить эти попытки, но и существенно снизить уровень социального неравенства в стране? Рассматривая эти вопросы, автор анализирует исторический опыт социалистических преобразований в СССР и постсоветского либерал-реформизма, выявляя его негативные стороны. В статье обосновывается вывод о том, что названные вопросы могут эффективно решаться путем соединения преимуществ социализма с возможностями рыночной экономики, как это показывают примеры коммунистического Китая, а также стран «скандинавского социализма», где уже в течение многих десятилетий социально-политическая стабильность обеспечивается функционированием структур социального государства.

Ключевые слова: революционный транзит, социализм, государствен­ный капитализм, модернизация, сталинизм, либерал-реформизм, социальное государство.

Вопрос, поставленный в заголовке статьи, – не риторический. В последние годы он стал заметным локусом внимания участников отечественного политического дискурса, хотя еще недавно ему там не было места. Напротив, преобладало мнение, что Россия устала от революций, более того – страна не выдержит новых «великих потрясений» (П. А. Столыпин), это чревато ее развалом, угрозой самому ее существованию как великой державы. Данное мнение было объективно обосновано трагическим опытом Российской империи и Советского Союза. Но это обстоятельство лишь актуализирует данный вопрос. Налицо невиданное единение помыслов и действий внутренних и внешних противников политики нынешней России. Внутренняя радикальная оппозиция пытается

соединить свои эгоистические групповые интересы с протестными настроениями масс, недовольных своим социальным положением, и тем самым спровоцировать ситуацию, подобную той, которую создали их единомышленники на киевском Майдане. Фактически в том же направлении действуют и западные державы, явно и тайно поддерживая оппозицию и оказывая внешнеполитическое давление на Россию – подчас ультимативное, – с тем чтобы она приняла на себя унижительную роль страны, потерпевшей поражение, капитулировавшей в холодной войне, согласившейся признать свою зависимость от интересов, фобий и капризов победителей. Дистанцируясь от всяких политических или идеологических пристрастий, нельзя не признать того, что речь идет о попытке подготовить условия для свержения существующего режима – «антипутинской революции» (термин, запущенный в широкий оборот сетевыми и прочими СМИ).

Напомним, что ни одна из значимых в истории революций не происходила без широкого участия народных масс, жизненным интересам которых совершенно чужды политические идеи и принципы радикального либерализма, равно как и последнему – интересы масс. Массы стремятся прежде всего не к осуществлению принципа свободы личности, а к осуществлению социального равенства, идея которого, по Н. Бердяеву, всегда двигала «большими революциями», в коих «никогда не торжествовал либерализм, который не выходит за пределы интересов личности», ибо «либеральный дух по существу не революционный дух». Да и в мирное время массы не доверяют либералам, о чем – ныне это уместно подчеркнуть – свидетельствуют плачевные для либеральных политиков и триумфальные для В. В. Путина результаты президентских выборов 2018 г. Их посулам и лозунгам не поверили, ибо «правда либерализма – формальная правда» (Бердяев 1990: 142). Выборы показали, что эта истина усвоена российскими избирателями, что популизм либеральных политиков пронизан демагогией, а их патриотизм симулятивен, этика эгоистична, что не стоит полагаться на их обещания. В мартовском Послании Федеральному Собранию президент, по сути, предъявил в качестве альтернативы радикальному либерализму программу глубоких социально-экономических мер государства, направленных на ликвидацию бедности, подъем жизненного

уровня населения и другие меры государства, охарактеризованные как решительный прорыв в будущее. Альтернативная – мирная – революция?

Революционный транзит в России. Альтернативы

Революционный процесс в России соткан из социальных и иных противоречий. Советская история омрачена чередой трагических, зачастую кровавых событий, но, во-первых, она наполнена не только такими событиями, а во-вторых, они не столь масштабны и чудовищны, какими их порой изображают. XX век сплетает воедино светлое и темное: с одной стороны, это великие стройки социализма, разгром гитлеровского фашизма, успехи науки и культуры, запуск человека в космос и другие достижения советского народа, с другой – красный террор, ГУЛАГ, раскулачивание, депортация народов, преследование инакомыслящих и т. п.

Две эти линии революционного транзита, преломляясь через идеологические убеждения политических партий, их теоретиков и вождей, обращаются в альтернативные программы, отражающие антиномичность революционного движения. Речь идет о сосуществовании взаимоисключающих позиций, противостоящих друг другу ориентаций, каждая из которых претендует на истинность, «и, в конечном счете, – как отмечает социолог Ж. Т. Тощенко, – на определение стратегии развития общества». Во всех революциях, конкретизирует он, именно так протекал революционный процесс в России, где противоборство двух «антиномий» – «красных» и «белых» – породило не то, к чему они стремились, а «нечто принципиально иное», имеющее принципиально иное значение, чем то, к которому стремились антиномичные силы (Тощенко 2014: 58).

В отличие от этой трактовки советская историография рассматривала революционное продвижение к новому общественному строю одномерно, безальтернативно – как предсказанный марксизмом-ленинизмом закономерный переход человечества от капитализма к социализму и коммунизму во всемирном масштабе. Авторитет ленинской версии марксизма был неоспорим. Все то, что сегодня представляется реалистичным и разумным в политических позициях оппонентов Ленина, искажалось либо табуировалось.

В предреволюционные годы в российской социал-демократии сложились две основные альтернативные интенции в теоретических подходах к задачам социалистической революции. Одна – народно-демократическая, представленная позицией Ю. И. Мартова, которая, по характеристике Г. Г. Водолазова, ставила задачей удовлетворение материальных и духовных потребностей народа, создание демократической власти. Другая – ленинская – нацеливалась на насилие как способ решения всех проблем, толкая «общество к государственно-бюрократическому строю» (Водолазов 2017: 52).

Два этих подхода нашли свое отражение в борьбе между адептами ленинского «учения о революции» и уклонистами от него внутри самой большевистской партии. Как известно, победил марксизм-ленинизм, который, как указывает Краткий курс истории ВКП(б), «дает возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они *должны развиваться в будущем*» (История... 1945: 339).

Как известно, революционный процесс развивался не по предписанному «великим учением» пути, а по иному транзиту, детерминированному объективными обстоятельствами и замкнувшемуся на том, с чего начался, – на капиталистической системе, каковую, согласно «учению», он призван был преодолеть. «Есть у революции начало, нет у революции конца». Что бы мог означать этот советский слоган в реальной истории? Одно из двух: линейное (возможно, спиралевидное) продвижение революционных форм и состояний, уходящее либо в дурную бесконечность, либо в очередной порочный круг, что, впрочем, по существу одно и то же.

Это, по убеждению отечественных радикал-либералов, может исключить лишь новая революция, для которой в России и за ее пределами созрели политические силы, готовые по примеру киевского Майдана пойти на риск свержения «путинского режима», окрепшего после 90-х гг. Экономист В. Л. Иноземцев полагает, что «грядущая и неизбежная российская революция не будет отягощена большинством недостатков и пороков предшествующих революционных событий» (цит. по: Горшков, Петухов 2016: 231).

В российской истории либералы не первый раз пытаются вклиниться в революционный процесс, дабы «гуманизировать» его принципами демократии, свободы личности, мысли и слова, защиты прав человека, не учитывая веками удостоверенную аксиому, сформулированную Н. А. Бердяевым: революция «никогда не бывает такой, какой должна быть» (Бердяев 2002: 257). Либерально настроенные царедворцы, генералы, промышленники, опираясь на близкие им по духу политические партии и поддержку западных правительств, попытались повернуть революционное движение масс в либерально-демократическое русло. Они заставили царя отречься от престола и позволили либеральствующим деятелям возглавить правительство.

О состоянии власти в краткий период их правления меньшевик Н. Н. Суханов писал: «Никакого управления, никакой органической работы центрального правительства не было, а местного – тем более... Министров нет, либо не то есть, не то нет. А когда они есть, от этого не лучше. Кто из населения признает их? Кто из сотрудников им верит? Ни для кого не авторитетные, ни к чему не нужные, они дефилируют и мелькают как тени под презрительными взглядами курьеров и писцов. А их представители, их аппарат на местах – о них лучше и не думать. Развал правительственного аппарата был полный и безнадежный» (Суханов 1992).

Либеральная альтернатива царскому режиму оказалась несостоятельной. Сама попытка ее реализации после Февральской революции явилась стимулом последующих революционных потрясений в России. События развивались по сценарию, прописанному еще М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города», когда власть в нем приняла направление, «которое можно назвать центробежно-центростремительно-неисповедимо-завиральным. Но это был все-таки либерализм, а потому и он успеха иметь не мог, ибо уже наступила минута, когда либерализма не требовалось во все... А отсюда до революции – один шаг!» (Салтыков-Щедрин 1988: 468).

Так это и произошло в действительности: либеральный февраль вывел революционный транзит на большевистский октябрь. Подводя первые итоги этой, в сущности, единой революции, один из столпов российского либерализма П. Б. Струве в 1918 г. писал:

«Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 г. событий. Разыскание причин той поразительной катастрофы, которая именуется русской революцией и которая в отличие от внутренних кризисов, пережитых другими народами, означает величайшее во всех отношениях падение нашего народа, имеет первостепенное значение для всего его будущего» (Струве 1918: 235).

Мог ли Струве тогда предположить, что настанут времена, когда те деятели, которые считают себя его единомышленниками и последователями, вновь выведут страну на маршрут, открытый февралем 1917 г.? Да и кто тогда мог предвидеть, что случится либеральная революция 1990-х гг., сопоставимая по историческим потрясениям для страны с Великой Октябрьской? Согласно уверениям ее идеологов, она была призвана покончить с любыми революциями и открыть мирный путь к демократии и свободе, процветанию страны. Прошло всего лишь несколько лет, и те же идеологи стали рассуждать о неизбежности новой революции. По мнению историка А. Б. Зубова, в России, где «набирает силу процесс “большевицкого реваншизма” <...> массовое общественное движение и, тем более, захват власти в результате умелого использования какой-то политической силой общественного движения, – предмет ужаса для нынешних авторитарных правителей, контролирующих власть и собственность в большинстве стран-наследниц СССР. Они бы хотели, чтобы их подданные видели непрерывное преемство “богоданной” власти из древности до сего дня без каких-либо социальных потрясений, и не соединяли его с положительным опытом массового революционного действия, обрушивающего “законную власть”, все равно царскую или путинскую» (Зубов 2017: 10). Не вдаваясь в существо подобных суждений, которые, на наш взгляд, неадекватны сложившейся политической ситуации (если не сказать вздорны), подчеркнем лишь то, что прямо относится к возникшему в дискурсе вопросу. Вяжываясь в борьбу за власть, либералы во второй раз за минувшее столетие инициируют появление режима – сначала тоталитарного, затем авторитарного, уподобляемого ими же первому, совершенно идеологически чуждого их демократической инициативе. Таковы исторические прецеденты, подтверждающие вышеозначенную мысль Н. А. Бердяева.

Краткое отступление в защиту либерализма. Российский либерализм как общественное течение в борьбе против феодально-крепостнических порядков, за свободу личности, мысли и слова, за гражданские права, несомненно, играет исключительно важную роль в демократическом обновлении страны на всех этапах ее новейшей истории. В его рядах мы видим М. Н. Сперанского и его сподвижников, университетскую профессуру и земское учительство, легальных марксистов и других представителей либеральной общественности в Российской империи, вплоть до академиков Д. С. Лихачева, А. Д. Сахарова и их сторонников века минувшего. К нему следует отнести также и таких критиков либерализма, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, боровшихся с его изъянами, но не отвергавших его суть. Да и какой истинно российский интеллигент – в данном контексте – не либерал? Но порядочность, честность, сострадание, прямодушие, бескорыстие и другие добродетели этого этического ряда, образующие идентичность интеллигента, распадаются, становятся лишними, необязательными либо обращаются в симулякры, как только он ступает на стезю революционной деятельности. Это фактически случилось со всеми интеллигентами, которые обратились в идеологов и вождей революционного движения в России – от Нечаева до Ленина, а ныне и с теми, которые зовут Россию к новой революции. Не напрасно поэтому увещевал поэт Жак Преввер: «Не позволяйте интеллигентам играть со спичками!»

Либерал-радикалы могут взять власть, но они не способны удержать ее. Для этого им надо отречься от своей идентичности. Видимо, те, кто готов пойти на это, и подталкивают сегодня страну к очередной революции. Если такой «московский майдан» состоится (что представляется весьма сомнительным), то он станет прологом очередной национальной катастрофы, такой, как в 1917 и 1991 гг., чреватой развалом государства. А альтернативным сценарием развития событий, спровоцированных таким «майданом», оказывается превращение нынешней формы правления в предельно жесткий режим авторитарного типа.

Есть ощущение, что столь рискованные планы мотивируются желанием взять реванш за утрату своих позиций в благодатные для либералов 1990-е годы. Подобно тому как большевики в 1917 г.

рассчитывали на мировую революцию, вне которой их победа была бы невозможной, радикал-либералы полагаются ныне на возобновление холодной войны, которая обеспечит полную и окончательную победу Запада.

Еще одно отступление. Международный дискурс выводит вопрос в плоскость экзистенциального выбора. И речь, по сути, идет уже не столько о возрождении холодной войны в ее прежних формах, сколько о совершенно новом и неизвестном нам историческом феномене. Со стороны Запада – это проводимая в мировом масштабе чрезвычайно агрессивная гибридная война, со стороны России – вынужденное ввиду агрессивного натиска извне продолжение Великой Отечественной войны (подробнее см.: Оганисян 2015). Современное обострение конфронтации России и Запада – новый, едва ли последний ее этап. Уточним.

Во-первых, нынешнее противоборство происходит в международной ситуации, принципиально отличной от той, в которой протекала холодная война, – не в двух-, а все еще в однополюсном мире, в котором доминирует Вашингтон.

Во-вторых, после краха мировой социалистической системы и вызванных этим перемен мир стал относительно однородным в социальном измерении. Капитализм и социализм утратили свои изначально антагонизирующие смыслы. Постсоциалистические страны обретаются сейчас в посткапиталистическом социальном пространстве, что давно уразумели лидеры коммунистического Китая и никак не могут осознать постсоветские реформаторы, пытающиеся построить в России капитализм по монетаристским рецептам чикагской школы политэкономии, пригодным разве что для решения подобной задачи в середине прошлого века.

В-третьих, политический миропорядок периода холодной войны регулировался Ялтинскими, Хельсинкскими и другими соглашениями государств двух социальных систем, которые обеспечивали их мирное сосуществование, сдерживание гонки вооружений, предотвращение термоядерной войны.

Наконец, СССР имел надежных союзников, которые в совокупности составляли если и не равновеликий, то политически чрезвычайно влиятельный противовес США и их союзникам, с чем последние не могли не считаться. Этим противовесом являлись госу-

дарства социалистического содружества и Варшавского договора, страны социалистической ориентации, многомиллионные международные движения национального освобождения, коммунистов, сторонников мира, профсоюзов, демократической молодежи, женщин. Сегодня таких союзников у России нет.

Ныне Запад создает вокруг России ситуацию международной изоляции и враждебного окружения, когда его антироссийская политика не сдерживается нормами международного права и устойчивыми соглашениями, когда в невиданных ранее масштабах ведется яростная русофобская кампания. Словом, над Россией нависают все новые угрозы, которые требуют и нового осмысления, не обремененного инерцией прежнего мировосприятия, и нового идейно-политического противодействия.

Восстановление оборонного потенциала России, не только паритетного, но и превосходящего потенциал США и НАТО, снижает уровень военной опасности для России, на что, по-видимому, была рассчитана вторая часть президентского Послания Федеральному Собранию РФ 2018 г. В итоге антироссийская пропагандистская война даже обострилась после обнародования этого послания и триумфальной победы В. В. Путина на выборах, но ее главное направление переориентировалось с внешних на внутренние проблемы России.

Социальные тупики советской модернизации

Общественные преобразования в СССР сформировали альтернативную капитализму модель модернизации страны. В ходе ее реализации социально-экономический строй трансформировался на основе введения государственной собственности на землю и средства производства в новую социальную систему. Почему в конце XX в. эта система рухнула?

Неоспоримы такие общепризнанные предпосылки этой исторической катастрофы, как чрезмерная централизация управления и планирования, стимулируемая извне гонка вооружений, падение мировых цен на нефть и т. п. Но достаточно ли этого для коренной ломки всего общественного строя, радикальной смены социально-политических и мировоззренческих ориентаций общества? Думается, эти процессы были обусловлены более существенными факто-

рами объективного порядка, органично связанными с дореволюционным развитием российского общества, но затемненными официальной идеологией и до поры не привлекавшими должного внимания отечественных аналитиков. К таким факторам, безусловно, относится Крестьянская реформа 1861 г., которую, по убеждению В. В. Лапкина, объединяет с революционной катастрофой 1917–1918 гг. в России глубинная сущностная взаимосвязь. «Так формирование невиданного более нигде в мире чуда *капитализма без рынка и буржуазии* стало самым драматическим по своим социальным последствиям (то есть по эффекту разложения основ общественной консолидации страны) результатом Крестьянской реформы. Полноценный выход из этого ценностно-культурного, социально-политического и экономического тупика не найден нашей страной и по сей день» (Лапкин 2017: 244).

Другой, сокрытый до поры догмами «научного коммунизма», сущностный фактор этой уникальной формы модернизации – социально-политическая роль системы государственной собственности. Эта система наделяла государство по существу капиталистическими функциями управления народным хозяйством. По А. П. Бутенко, «реальный социализм» представлял собой «*интернациональный способ модернизации страны*, как крайне жестокий, варварский способ первоначального накопления и индустриализации, прикрываемый марксистско-ленинской фразеологией и выдаваемый за теорию и практику социалистического строительства» (Бутенко 1990: 102).

При этом высшая партийно-хозяйственная **номенклатура** обретает функции господствующего класса: «В большевистской России социализм впервые познал грех власти» (Лапкин 2017: 243).

Социально-экономические и политические метаморфозы процесса становления государственного капитализма в СССР английский марксист Тони Клифф в изданной еще в 1948 г. монографии трактовал так: «Поскольку рабочее государство является самой нижней ступенью нового социалистического общества, оно неизбежно должно иметь множество сходных черт с государственным капитализмом, но различие между ними представляет собою коренное, основное различие между капиталистической и социалистической системами» (Клифф 1991: 112).

Два означенных выше фактора обеспечили сохранение жизнеспособного потенциала реанимации капитализма, которая и произошла на рубеже XX и XXI вв. В свое время Советская республика, вскоре принявшая облик СССР и инициировавшая в нем социально-экономические перемены, по существу, вела Россию не к ликвидации капитализма, а к преобразованию его в капитализм государственный. Это был путь модернизации на новых технологических основах и под централизованным управлением коммунистической партии, политическая структура которой – вертикальная и горизонтальная – стала несущей конструкцией всего государства. Но при этом она сохранила потенциал реставрации прежнего строя, который и реализовался на пороге XXI в. в условиях кризиса.

Столетие тому назад историческая специфика советской модернизации была обусловлена чрезвычайными обстоятельствами: выходом России из мировой войны, революционными событиями, необходимостью защиты социально-политических перемен, потребностями сохранения целостности страны, находящейся во враждебном окружении капиталистических государств. Иными словами, «одна из важнейших особенностей российской модернизации состоит в том, что в России традиционное общество с его условиями, общинным укладом и основанная на автократии политическая система, а также адекватный всему этому ценностный строй были разрушены, но дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядков, которые бы соответствовали парадигме современного общества» (Пантин, Лапкин 1998: 39).

В странах капитализма социальные противоречия модернизации издавна смягчаются путем перераспределения доходов между различными слоями общества через налогообложение, государственный бюджет, специальные программы социальной защиты малообеспеченной части населения. Система этих мер, берущая свое начало во второй половине XIX в. и призванная реализовать принцип социальной справедливости в рамках возможного при капитализме, была инициирована подъемом рабочего движения и требованиями молодых социал-демократических партий. Она выросла в общественные структуры капитализма в виде социального государства, что отнюдь не потребовало обобществления частной

собственности (на этом не настаивали и классики марксизма). Карл Каутский пояснял: «...социал-демократические цели не требуют во что бы то ни стало национализации, огосударствления промышленности, а, как говорили еще Маркс и Энгельс, требуют ее обобществления, которое может осуществиться не только путем огосударствления, но и путем муниципализации или кооперативной организации промышленности» (Каутский 2002: 10). Это означает последовательную демократизацию социальных институтов, которая должна быть подготовлена государством путем проведения всеобщих выборов, организации общественного контроля, соблюдения полной свободы политической самодеятельности для всех граждан.

Придя к власти, большевики в течение нескольких лет национализировали промышленность, банки, внешнюю торговлю и тем самым поставили под жесткий контроль экономику страны. Именно для этого постоянно укреплялось Советское государство, хотя, как известно, И. В. Сталин, большой мастер доведения марксистской диалектики до вульгарной софистики, утверждал, что коммунисты за отмирание государства, но, разумеется, через всемерное усиление диктатуры пролетариата.

Следуя этой диалектике, власть фактически укрепляла структуры государственного капитализма, подчиняя народное хозяйство государственному аппарату и системе плановой экономики, которая решала социальные задачи в последнюю очередь. На первый план неизменно выдвигались проблемы обороны страны, что во многом было обусловлено объективно: первоначально «враждебным окружением», а затем военно-политической конфронтацией двух социальных систем. Во имя защиты завоеваний социализма народные массы были вынуждены десятилетиями терпеть невыносимые лишения, влачить полунищенское существование.

Используя экономический потенциал страны в целях, далеких от социальных потребностей населения, власть внушала народу, что для нее нет задачи более важной, чем удовлетворение его жизненных потребностей. В отличие от капитализма, учил Сталин, именно эта задача определяет саму суть социализма. Незадолго до своей кончины Отец народов писал: «...вместо обеспечения максимальных прибылей, – обеспечение максимального удовле-

ния постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества» (Сталин 1952: 40). Этот постулат «основного закона социализма» на закате советской эпохи был воспроизведен лозунгом: «Все во имя человека, все во благо человека!» Чего же больше? Вроде бы в обеспечении социальных прав граждан идти дальше некуда.

Чем отличается в этом плане социальное государство от того, которое считалось социалистическим? Во-первых, его программы не заходят так далеко, как социалистические проекты. Во-вторых, в отличие от этих проектов политика социального государства ставит реальные задачи, решение которых гарантировано экономическим развитием данной страны. Добиться ракетно-ядерного паритета с США и НАТО, открыть человечеству дорогу в космос оказалось практически более осуществимым, чем приблизиться к жизненному уровню населения западных стран, хотя все годы советской власти страна прожила под официальным девизом «догнать и перегнать», испытывая все это время хронический дефицит товаров широкого потребления, острейшую нужду в решении жилищного и других социальных вопросов.

Изменила ли это положение либеральная революция 1990-х гг.? Заняли ли проблемы повышения уровня жизни населения приоритетное место в политике государства? Отнюдь. Постсоветская власть в первую очередь принялась обустривать передел ранее огосударственного в форме теперь уже не общенародной, контролируемой номенклатурой, а частной собственности, подталкивая страну к новой социальной катастрофе и очередной либеральной революции.

В России и за ее пределами созрели политические силы, готовые по примеру киевского Майдана пойти на риск свержения «путинского режима», окрепшего после 90-х гг. «Парадоксально, – пишет историк Н. В. Романовский, – за революцию в последние годы ратовали нынешние либералы и их зарубежные партнеры – как шанс убрать не устраивающую их власть» (Романовский 2017: 148).

Режим принял вызов, ответив в марте 2018 г. президентской программой радикальных мер подъема российской экономики и жизненного уровня народа.

Революция сверху? Возможна, но с трудом представима

Чего ожидали народные массы от постсоветских реформ? Собственно говоря, того же самого, что и от социализма, – прежде всего улучшения качества жизни, социальной справедливости. Но разве дождались? Как отразилась смена социально-политических режимов на положении народных масс? Далеко не самым лучшим образом. Советская система социальной защиты рухнула. Новая система все еще находится в процессе формирования. На пороге нищеты пребывают многомиллионные массы населения. Общественные отношения исковерканы неравенством, которое, как исторический феномен, по определению М. К. Горшкова, «представляет собой специфическую форму социальной дифференциации, которая предопределяет различия жизненных условий индивидов и социальных групп, их неодинаковый доступ к экономическим, социальным, политическим, информационным и иным ресурсам, и тем самым – определяет разные возможности удовлетворения ими актуальных и разнообразных по характеру и источникам происхождения потребностей и интересов» (Горшков 2014: 20).

Нужно все же признать, что «равенство в нищете» – это показывает советский опыт – может до поры обеспечивать относительную социальную стабильность, общественно-политическое согласие, ибо гасит социальные конфликты на бытовом уровне. Раздоры на коммунальной кухне или мелкотравчатые интриги в номенклатурной среде не могут возвыситься до масштабов общегосударственных.

Случавшиеся порой массовые выступления против советской власти жестоко подавлялись, как это было, например, в Новочеркасске в 1962 г. и в ряде других случаев. Иное дело сегодня. С одной стороны – показное богатство нуворишей с их миллиардными счетами в банках, дворцовыми «гетто» типа московской Рублевки, пригородными зонами крупных городов России, заморскими виллами и т. п., а с другой – бедность, близкая к нищете, многомиллионных масс людей с их мизерными зарплатами и пенсиями, убогим жильем, недоступностью качественного образования и медицинского обслуживания. Такие контрасты были невозможны в совет-

ском обществе. Конечно, оно не было социально однородным. Но уровни неравенства тогда и сегодня несопоставимы. В СССР выделялись отдельные привилегированные группы населения, относящиеся к высшей партийно-хозяйственной номенклатуре и дельцам теневой экономики. Остальная масса населения проживала в весьма скудных материальных условиях.

Углубление социальных контрастов в масштабах всей страны и создало предпосылки вызревания широких социальных протестов, что с начала 1990-х гг. сказывается на состоянии политической ситуации в России. Как отмечает политолог К. В. Сивков, «расстановка политических сил сто лет назад и сейчас почти идентична», современная Россия даже «более податлива революционной заразе, чем царская» (Сивков 2016: 1–2).

В чем корень зла? По мнению многих аналитиков самых разных политических убеждений, он заключается в итогах приватизации, разделившей общество на узкий слой богатых, овладевших 70 % государственной собственности, и остальную массу населения. Поэтому, согласно социологическим опросам, лишь незначительная часть россиян осталась довольна результатами приватизации или смирилась с ними, тогда как подавляющее большинство выступает за полный или частичный пересмотр ее итогов. Так, по данным «Левада-центра», в 2000–2007 гг. доля первых колебалась в пределах 7–15 %, тогда как доля вторых – от 78 до 83 %. Причем это соотношение остается примерно одинаковым у групп различных идеологических и политических ориентаций респондентов. Даже среди сторонников партии власти оно почти такое же, как и среди поддерживающих партии оппозиции (см.: Общественное... 2007).

Обобщая материалы исследований бедности в России, социолог Н. Е. Тихонова заключает, что она приобрела застойный характер: «Можно утверждать – процесс превращения бедных как нижнего сегмента российского общества в социально исключенных, его “периферию”, уже прошел точку невозврата» (Тихонова 2014: 19).

Сами идеологи постсоветского реформаторства вынуждены признавать тот факт, что приватизация весьма слабо отвечала социальным ожиданиям общества. Г. А. Явлинский, например, писал:

«Хаотичность приватизации, отсутствие простых и четких правил, соблюдаемых всеми участниками процесса (что является обязательным элементом при оценке его результатов как справедливых и честных), запутанность и нестабильность процедур – все это, безусловно, породило в общественном сознании восприятие приватизации как несправедливой и, следовательно, подлежащей возможному пересмотру» (Явлинский 2007: 14).

Каким образом сложилась такая ситуация? Где следует искать причины ее возникновения? В первую очередь, конечно, в объективных предпосылках – развале СССР и крушении «реального социализма», эпохальных событиях, которые потрясли все основы жизнеустройства россиян. Но не только. Огромную роль сыграл субъективный фактор, а именно – политика либерал-реформаторов, под руководством которых протекал процесс социального переустройства России. Без учета этого фактора невозможно адекватно оценить ни проблемы социального неравенства, ни возможности их демократического решения. Осмеяв и отринув коммунистический миф о «светлом будущем», либерал-реформаторы фактически проигнорировали и укоренившиеся в общественном сознании ожидания социальной справедливости, равенства перед законом, достойного уровня жизни, функционирования государства и бизнеса как институтов, ответственных за благосостояние народа. Чтобы избежать обострения социальных конфликтов, реформы должны отвечать этим принципам. Н. А. Бердяев писал: «Социальный реформизм, направленный на защиту интересов труда и трудящихся, должен быть согласован и с исторической преемственностью и традициями, и с неотъемлемыми правами и свободами человека. Необходимо сочетание свободной индивидуальной инициативы, свободного общественного кооперирования и государственного регулирования» (Бердяев 1991: 198–199).

Исследователи проблем неравенства в России отмечают, что «благосостояние индивида (группы) определяется не только и не столько уровнем дохода и/или набором потребительских благ, сколько набором функциональных возможностей: совокупности всех благ, к которым индивид (группа) имеет доступ; совокупности всех

возможных вариантов их использования» (Аврамова, Малеева 2014: 145).

Подобный подход к проблемам неравенства оправдан и продуктивен при их анализе в условиях развитой рыночной экономики. Россия еще далека от реализации задачи формирования подобной экономики. Отечественные социологи обращают внимание на то, что даже по принятым в России – упрощенным – критериям показатели социального неравенства не только не снижаются, но продолжают увеличиваться. Такого рода тенденции усиливают общественные противоречия, социальную напряженность в стране, стимулируют массовые политические выступления противников режима.

Советский строй, сохранивший латентно функционирующие элементы капитализма, фактически беспрепятственно продреффовал на капиталистический путь развития. За одно лишь десятилетие 1990-х гг. государственная собственность большей частью перешла в частные руки, номенклатура перевоплотилась в плутократическую бюрократию, советское общество переплавилось в гибридный социум. Таким образом, госкапитализм был легитимизирован, проявляясь в «фактической раздаче госсобственности под видом либерализации экономики, в склонности представителей управленческой элиты к коррупции» (Вебер 2017: 56).

Недостроенный социализм стал основой первобытного капитализма. Партийная элита, соблазненная неолиберализмом, сломя голову ринулась в рыночную стихию. Недавние борцы за «светлое будущее», омывшись (осквернившись?) в омуте постсоветского рынка, вынырнули оттуда отпетыми стяжателями и беспринципными политиками, которые и возглавили продвижение общества к капитализму.

Столь масштабный социальный переворот едва ли был бы возможен без массовой поддержки, каковую он и получил. Народные массы, уставшие от вечного товарного дефицита, циничной лжи советской пропаганды и произвола властей, изверились в мифах о светлом будущем. Они отвергли не социализм, а те непригодные для нормальной жизни людей способы и формы, в которых он осуществлялся. Вслед за массами отечественные обществоведы

также отвергли догмы «научного коммунизма», заменив иллюзию светлого будущего доктриной социального государства, которую в 1993 г. законодательно утвердила статья 7 российской Конституции: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (см.: Конституция... б. г.).

В определенном смысле это означает, что «дикий» капитализм не смог погасить социалистическую традицию, которая, собственно, и породила в свое время доктрину социального государства. Ее автор немецкий социалист Лоренц фон Штейн, философ и правовед, вскоре после революции 1848 г. в работе «Теория социального государства» утверждал, что государство должно поддерживать посредством своей власти равенство в правах всех классов общества, равно как и отдельных личностей: «Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» (цит. по: Милецкий 1997: 82–97).

Эти положения предполагали юридическое закрепление мер социального обеспечения в сферах школьного образования, здравоохранения, занятости, а в перспективе – перераспределение доходов, стимулирование социальной ориентации экономики. Фактически то же самое предусматривали – в более широком диапазоне – программные установки марксизма, нацеливающие рабочий класс на борьбу за социалистическое переустройство общества. Таким образом, концепция социального государства неотделима от развития социалистического движения, хотя ее автор и критиковал классовую теорию марксизма, выступая за эволюционный, реформистский путь социальных преобразований.

Проблема, однако, в том, чтобы доктрина стала практически эффективной в специфических условиях современной России, а не превратилась в очередную несбыточную мечту, заимствованную у Запада. Как показывает тот же Запад, для этого в первую очередь необходимо добиться такого уровня развития экономики, который позволил бы обеспечить материальные и духовные потребности

народа и сократить чудовищный разрыв в социальном положении состоятельных и неимущих слоев населения.

На заре капиталистического ренессанса новая власть ставила первейшей задачей перемен догнать Португалию, беднейшую из стран ЕС того времени, по уровню социальной защищенности населения. И что же? Коэффициент защищенности в России 0,26 %, а в Португалии почти вдвое больше – 0,46 %. Вот другое сравнение: расходы российского государства на поддержку семей с детьми (выплаты, услуги, налоговые вычеты) составляют 0,4 % ВВП, а во Франции – 3,7 %, в Великобритании – 3,5 %, в США – 1,2 % ВВП (см.: Гонтмахер 2013: 72).

Эти данные свидетельствуют не только о материальном положении населения, но и об уровнях социальной стабильности и демократических свобод в стране. Комментируя их, социолог О. А. Полюшкевич пишет: «Ощущение угроз в личной и общественной жизни влияет на социальное самочувствие и поведение в обществе, на его уровень активности в разных сферах, а также является показателем обеспечения демократических прав и свобод» (Полюшкевич 2012: 68).

Причем в годы экономического кризиса попытки власти справиться с его социальными последствиями показали свою несостоятельность. По данным социологических исследований за 2014–2016 гг., количество бедных в стране увеличилось вдвое. Как отмечал М. К. Горшков, «институты российского государства, ответственные за состояние социальной сферы, оказались не готовы к нейтрализации рисков массового распространения бедности в условиях кризиса» (Горшков 2016: 23).

Если учесть всю совокупность негативных особенностей социально-политической ситуации, сложившейся на сегодня, то выдвинутая В. В. Путиным программа выхода из нее является поистине революционной, подрывающей надежды радикал-либералов на новую революцию в России. Осуществима ли эта программа? Вполне возможно. Страна обладает для этого реальными ресурсами, на которые ссылается российский лидер в своих выступлениях. Но возникают и обоснованные сомнения, которые сводятся к одному: способна ли социально-экономическая политика, по-прежнему ос-

нованная на монетаристских догмах неолиберализма, успешно осуществить «революцию сверху»?

Почти три десятилетия проведения этой политики обнаруживают ее очевидную неэффективность. Оставляя в стороне известные ее провалы (реформы пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования и т. д.), сошлемся на амбициозные «майские указы» 2012 г., безусловно, исполненные благих намерений, но все еще далекие от успешной реализации, поскольку они зачастую бойкотируются федеральной и местной бюрократией и исполняются вяло и непрофессионально. Не мотивированы ли новые проекты реформ примером мобилизационной политики советского прошлого? Не намечен ли этот вектор такими духоподъемными обращениями президента к необходимости «рывка», «прорыва», словно взятыми из риторики былых кампаний культурной и промышленной «революций» с характерными для них «битвами за урожай», «штурмами космоса», призывами «догнать и перегнать...»?

Как отмечалось выше, мобилизационная политика не смогла покончить с бедностью и решить другие проблемы социальной защиты и подъема экономики в СССР. Успешный опыт Китая указывает иной вектор социально-экономических реформ – соединение преимуществ социализма с рыночной экономикой, а до КНР имелся исторический опыт стран «скандинавского социализма», где в течение многих десятилетий весьма эффективно реализуется доктрина социального государства.

Доверимся тем представлениям о будущем населения России и Китая, которые отражены в совместном исследовании российских и китайских социологов. Согласно этим исследованиям, китайское руководство, осознав энергетический потенциал соединения мечтаний обычных граждан со стратегическими целями государства, сформулировало новую «Великую китайскую мечту» и разработало конкретный план ее осуществления. «В этом плане четко обозначены не только определенные стратегические цели, но и сроки их достижения, а также подробно описано, что именно выиграют рядовые граждане от реализации Великой китайской мечты» (Горшков и др. 2016: 388).

Если выйти за рамки утилитарного подхода к этим представлениям, отмечают исследователи, и посмотреть на них через призму образа желаемого будущего, то обнаружится, что общего в них больше, чем различий, что «русская мечта» и «китайская мечта» не представляют собой альтернативные общественные проекты на макро- и микроуровнях. Что же касается различий, то они в основном связаны с разницей в уровнях экономического развития, национальными и социокультурными особенностями развития двух стран. «Гражданам обеих наших стран, – подводят итоги своих изысканий аналитики, – хотелось бы жить в великих и процветающих державах, где обеспечивается благополучие и благосостояние населения, господствует социальная справедливость, нет коррупции, и при этом каждый человек может иметь счастливую семью, здоровье, хорошо оплачиваемую работу и возможность самореализации» (Горшков и др. 2016: 387).

В России складывается иная ситуация. По мнению социологов, государство не выдвинуло здесь четкой программы перехода общества к состоянию, максимально приближенному к идеалам, существующим в национальном сознании. В результате в стране нарастает процесс атомизации и индивидуализации мечтаний россиян, а вместе с этим и их запрос на социальную справедливость, сильнее выраженный в России, чем в Китае, а также общественные ожидания более внятной и последовательной социальной политики. Удовлетворение этих ожиданий исключительно важно в социально-политическом отношении: «В силу того, что принцип социальной справедливости занимает очень важное место в модели национальной культуры России, мечта о справедливом обществе выполняет для населения страны роль консолидирующей идеи» (Там же: 390).

Применительно к традициям и менталитету российского общества уместней, видимо, рассуждать не о «Великой мечте» – идеологическом феномене американского происхождения, а о национальной идее, которая не может быть продуктом социального заказа сверху. Она порождается самим народным сознанием, выражая потребности и надежды общества, и лишь затем индоктринируется в определенную идеологию. Как бы там ни было, в новой России

генезис национальной идеи, реально воздействующей на общественную жизнь, возможен лишь на основе преемственности дореволюционных и советских традиций, соединяемых принципом социальной справедливости.

Литература

Авраамова, Е. М., Малеева, Т. М. 2014. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? *Вопросы экономики* 7: 144–160.

Бердяев, Н. А.

1990. *Философия неравенства*. М.: ИМА-ПРЕСС. 288 с.

1991. *Самопознание. Опыт философской автобиографии*. М.: Мысль. 220 с.

2002. *Смысл истории. Новое средневековье*. М.: Канон+. 448 с.

Бутенко, А. П. 1990. *Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества*. Л.: Лениздат. 288 с.

Вебер, А. Б. 2017. Взаимосвязь традиций и инноваций в свете проблем современности. *Социологическая наука и социальная практика* 2: 47–62. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5149>.

Водолазов, Г. Г. 2017. Политика и мораль – Юлий Мартов в 1917 г. *Социологические исследования* 10: 44–55. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517100051>.

Гонтмахер, Е. Ш. 2013. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности. *Вопросы экономики* 4: 68–81.

Горшков, М. К.

2014. Общественные неравенства как объект социологического анализа. *Социологические исследования* 7: 20–31.

2016. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (ст. 1). *Социологические исследования* 12: 26–34.

Горшков, М. К., Козырева, П. М., Пэйлинь, Л., Тихонова, Н. Е. (ред.). 2016. *Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае*. М.: Новый хронограф. 424 с.

Горшков, М. К., Петухов, В. В. (ред.). 2016. *Российское общество и вызовы времени*: в 5 кн. Кн. 4. М.: Весь Мир. 400 с.

Зубов, А. 2017. Почему власти России игнорируют столетие Русской революции. *Новая газета* 117, 20 октября. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/20/74268-predmet-uzhasa?> (дата обращения: 22.04.2018).

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 1945. М.: ОГИЗ. 352 с.

Каутский, К. 2002. *Диктатура пролетариата: от демократии к государственному рабству. Большевизм в тушке*. М.: Антидор. 313 с.

Клифф, Т. 1991. *Государственный капитализм в России*. Л.: Социалистический рабочий. 288 с.

Конституция РФ. Б. г. Ст. 7. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-7-krf>.

Лапкин, В. В. 2017. Послесловие к столетней годовщине: о политико-правовых и аграрных предпосылках Русской революции. *История и современность* 2: 211–246.

Милецкий, В. П. 1997. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России. В: Василек, М. А., Сморгун, Л. В. (ред.), *Политические процессы в России в сравнительном измерении* (с. 82–97). СПб.: Изд-во СПбГУ. 173 с.

Общественное мнение – 2007. Ежегодник. 2007. М.: Левада-центр. 272 с.

Оганисян, Ю. С. 2015. Великая Отечественная – неоконченная война? *Полис. Политические исследования* 3: 9–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.02>.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 1998. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы). *Полис. Политические исследования* 2: 39–51.

Полюшкевич, О. А. 2012. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии. *Социологические исследования* 12: 66–71. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_12/Polyushkevich.pdf (дата обращения: 22.04.2018).

Романовский, Н. В. 2017. Семнадцатый год. Век спустя. *Социологические исследования* 8: 147–157. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_8/Romanovsky.pdf (дата обращения: 22.04.2018).

Салтыков-Щедрин, М. Е. 1988. *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 2. М.: Правда. 516 с.

Сивков, К. В. 2016. Год великого поворота. Расстановка политических сил сто лет назад и сейчас почти идентична. *Военно-промышленный курьер* 45: 1–2.

Сталин, И. В. 1952. *Экономические проблемы социализма в СССР*. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 96 с.

Струве, П. Б. 1918. *Из глубины. Сборник статей о русской революции*. М.; Пг.: Русская Мысль. 298 с.

Суханов, Н. Н. 1992. *Записки о революции*: в 3 т. Т. 3. Кн. 5–7. М.: Республика; Изд-во полит. лит-ры. 413 с.

Тихонова, Н. Е. 2014. Феномен бедности в современной России. *Социологические исследования* 1: 7–19.

Тощенко, Ж. Т. 2014. Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России. *Социология: научно-теоретический журнал* (Белорус. гос. ун-т) 4: 45–60. ULR: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/123802> (дата обращения: 22.04.2018).

Явлинский, Г. 2007. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы. *Вопросы экономики* 9: 4–27.